

**Об «опасности украинизации антропонимов»:
ответ в жанре научной инвективы**

*Повірить можна в будь-яку легенду.
Теорій напридумувать за трьох.
Не можна брати істину в оренду
І сіяти на ній чортополох
(Ліна Костенко)*

Резюме. У статті аналізуються провокативні пропозиції з боку деяких відомих російських науковців щодо уникнення в Україні українсько-російської двомовності, а також щодо запровадження тільки російськомовних записів імен росіян в українських офіційних документах. Історичні паралелі показують, що подібні погляди на соціолінгвістичну проблематику в Україні нічим не відрізняються від ідеології царської Росії.

Ключові слова: *українська мова, російська мова, українсько-український білінгвізм, антропонімія, мовна політика, Валувський циркуляр, Емський указ.*

Summary. The present article is dedicated to the analysis of some Russian onomasts' position concerning the problem of how to avoid Ukrainian – Russian bilingualism in Ukraine and what should be done to save the Russian spelling of ethnic Russian citizens of Ukraine in Ukrainian judicial documents. The fact that a similar viewpoint rooted in the Empire tzarist Russian politics is shown here as well.

Keywords: *Ukrainian language, Russian language, closerelative bilingualism, anthroponymy, language politics, Valuev's circular, Ems' decree.*

Доктор филологических наук, профессор А. В. Суперанская, которая является членом Международного ономастического комитета, Ономастической и Терминологической комиссий Международного комитета славистов, Орфографической комиссии РАН, Терминологической комиссии РосТерм, Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена при Моссовете, Российского географического общества, в особом представлении для научных кругов не нуждается. Тем более трудно решиться на критический анализ двух её публикаций, представленных на интернет-портале российского Информационно-исследовательского центра «История фамилий». Первая публикация называется «Опасность близкородственного двуязычия»¹, а вторая, продублированная в январском 2008 года номере российской научно-популярной газетой «Мирь имён и названий», называется «Опасность украинизации антропонимов». И всё же мы берёмся за неблагодарный труд высказать своё мнение по поводу этого сочинения. Как сказал известный киногерой в исполнении Павла Луспекаева, за державу обидно. А в данном случае – за две державы.

¹ Режим доступа: <http://www.familii.ru/index.php?pCode=publication&p=&pID=100>

В преамбульной части публикаций А. В. Суперанская предупреждает: «... пишу “на Украине”, а не “в Украине”, потому что пишу по-русски». По поводу этого грамматического *filioque* заметим коротко. Если А. С. Пушкин, писавший в Украину (см. «Полтаву»), и если К. Ф. Рылеев, также писавший в Украину и под. (см. «Войнаровский» или «Жизнеописание Мазепы»), писали не по-русски, то лучше писать *так* не по-русски, нежели по-русски писать *то*, что пишется в данном конкретном случае А. В. Суперанской при явной поддержке редколлегии изданий, которая также представлена ведущими ономастами России.

Начнём с того обстоятельства, что уж коль скоро филолог берётся анализировать факты языка, тем более не родного ему языка, то следует со всем тщанием отнестись к тем примерам и аргументам, которые используются им – иначе легко попасть впросак. Например, говоря о близости русского и украинского языков, А. В. Суперанская подчёркивает, что близость эта «особенно явственно ощущается в словарном составе обоих языков», хотя «материально общие слова часто имеют иную стилистическую соотнесённость. Например: укр. *шкіра* кожа (человека) – рус. *шкура* кожа (животного), укр. *штучний* “искусный” – рус. *штучный* “измеряемый на штуки, отдельно считаемый”».

Элементарно просто заглянуть в толковый словарь украинского языка и узнать, что слово *шкіра* всё же имеет в украинском более широкое значение “внешний покров тела человека и животного” и что наряду с ним есть украинское же слово *шкура* “внешний покров тела животного”. В том же словаре можно увидеть, что есть в украинском языке омонимы *штучний*¹ “являющийся отдельным предметом, штукой; не взвешиваемый и не измеряемый” (вот вам и эквивалент к русскому слову!) и *штучний*² “сделанный рукой человека; похожий на настоящий; поддельный, искусственный, ненастоящий; притворный, ненастоящий, деланный”. Следовало убедиться и в том, что форма *штучний* является формой прилагательного в дат. п. ед. ч. ж. р. Да и вообще все эти примеры к стилистике не имеют отношения, по правде говоря.

Вот и с буквой *i* ситуация схожая, когда автор публикаций приводит пример укр. *кожній* как соответствие русск. диал. *кажний*. Похоже, что А. В. Суперанская воспринимает украинские слова русским взглядом: украинские написания *штучний* или *кожний* озвучиваются по-русски, потому и надо написать его для русских *кожній* или там *штучній*. Прочитается вроде как по-украински. А то попробуй объясни, что укр. *кожний* звучит примерно как *кожний*, но при этом относится не к *коже*. Так и тонкости подтекста

потеряются: русский-то, оказывается, покрыт кожей, а украинец – шкурой (*шкірою* – простите оговорку!). Вот к чему стилистика была помянута!

Или ещё случай из приводимых А. В. Суперанской примеров на *орфографические* расхождения: укр. *передаються* – рус. *передаются*, укр. *проживають* – рус. *проживают*. Да не в орфографии здесь дело, скажет любой образованный филолог, а в морфологии. Мягкие финалии глагольных форм для древнерусского языка известны с древнейших его письменных фиксаций и сохранены современным украинским языком, а также южновеликорусским наречием (ср. шутку диалектологов: *У нас в Рязани урибы с глазами – их ядять, а они улядять*).

Проиллюстрировав на нескольких донельзя упрощённых примерах различия и близость русского и украинского языков, А. В. Суперанская начинает печаловаться о том, что «в последние годы на Украине проводится активная украинизация всего неукраинского, особенно русского. Хотя на Украине живут люди тридцати различных национальностей, все они объявлены украинцами...»

Насколько туманно исследовательница ориентируется в украинском вопросе и, по-видимому, не составляет даже себе труда в нём разобраться, видно опять-таки из того, что ей недосуг проверить, что Украина – родина для гораздо большего круга народов. Напомним: по данным переписи населения 2001 г., в Украине проживает свыше 100 национальностей. По состоянию на 2004 г. украинцы составляют 77,8% всего населения страны при его общей численности 47 732 079 человек, а ближайшая к ним и вторая после них по численности этническая группа – это русские, которые составляют 17,3% населения Украины. По регионам украинцы составляют 90% населения в Западной и Центральной Украине, от 75% до 80% – в Восточной и Южной Украине и до 60% на Донбассе и в Одесской области. И только в Крыму русские составляют большинство около двух третьих населения (а это 14% всех русских в Украине) при 25% украинского населения и при 250 тыс. крымских татар. Так что неправильная цифра обнародована российским интернет-порталом.

Абсолютно тенденциозным вымыслом является и то, что в Украине все объявлены украинцами. Или кто-нибудь назовёт закон, указ, декрет, дату, автора такого деяния? Разумеется, граждан Украины могут назвать и называют в быту, в прессе, в политических баталиях и пр. *украинцами*. Но это обычное явление языковой компрессии: коль проще сказать *россияне* (или даже *русские*) вместо *граждане России*, то так проще и скажут. Таков закон экономии речевых средств. Но когда, например, граждан США называют американцами, а граждан РФ называют россиянами (а часто просто русскими), то никто не

станет утверждать, что в России все объявлены русским, а США всех своих граждан зачислили в американцы по национальности. Имея различное этническое происхождение и не отказываясь от него, Арнольд Шварценеггер, Билл Клинтон с обоими Джорджами Бушами и первый американский президент-афроамериканец Барак Обама остаются тем не менее американцами – в смысле гражданами своей страны США. Её расхожее название *Америка* никак не распространяется на весь континент. Ведь не к Аргентине же или Канаде, не к Гондурасу или Боливии обращена известный русско-патриотический шлягер из репертуара группы Любэ «Не валяй дурака, Америка! Отдавай нам Аляску назад!»

По мнению А. В. Суперанской, антропонимическая напасть обрушилась на униженных и оскорблённых в современной Украине неукраинцев с неожиданной стороны: мало того, что их объявили украинцами, так ещё и имена их «переписываются украинскими буквами». А ещё более сугубо страшно то, что имена этих бедолаг «заменяются современными украинскими именами исторически того же происхождения».

Имена того же происхождения имеют украинцы наравне с русскими (и с белорусами, разумеется). Так что оговорка по Фрейду: не татар, не венгров, не гагаузов, не армян, не немцев и, осмелимся сказать, других украинцев держит в подсознании А. В. Суперанская, а якобы насильственно украинизируемых русских. А как же тогда пункт 4 «Положения о паспорте гражданина Украины», где регламентируется, что все записи в паспорте и данные о его владельце выполняются на украинском и русском языках? А как же тогда современный украинский внутригражданский паспорт, где это требование юридической нормы воплощено на практике?

Но именно против этого и ратует А. В. Суперанская: «... русское имя *Елена* записывается в документах *Олена*, *Алексей* – *Олексій*, *Александра* – *Олександра*, *Дарья* – *Одарка*, *Дмитрий* – *Дмитро*, *Ефрем* – *Окрім*, *Анна* – *Ганна* и т. д. В результате человек теряет своё имя, инициалы, национальность». Какой предлагается выход? А вот чтобы имена этнических русских оставались написанными в украинских документах по-русски. Договорились – дальше некуда. Только-только отменили указание национальности в документах (пресловутый 5 пункт) – как вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Будем носить графику своих имён как официальные метки русскости. А почему бы не предложить и для народов России встречный эксперимент? Для тех же российских украинцев и белорусов. Кстати предупредим на всякий случай: украинский антропоним пишется *Охрім*, а *окрім* – это предлог “кроме”.

Позиция А. В. Суперанской базируется на том, что русский и украинский алфавиты имеют много общих букв. Ну и что? А вот что. Есть, например (а пример самой А. В. Суперанской), русский человек *Белан Алексей Евгеньевич*, а его пишут по-украински *Белан Олексій Євгенійович*. Зачем? «Я бы оставила, – размышляет А. В. Суперанская, – всю эту формулу имени *Белан Алексей Евгеньевич* в документе на украинском языке без всяких изменений, поскольку те же самые буквы есть в русском и украинском алфавите. Пусть в произношении это звучит несколько иначе, зато мы сохранили документальную точность». Ну, во-первых, *щирій* (читается *шчырыи!* – ни один русскоязычный монолингв ни за что не произнесёт без специального фонетического практикума) украинец заметит, что форма отчества *Євгенійович* какая-то не совсем правильная с точки зрения истинной украинизации антропонимов: должно быть *Євгенович* – от украинской формы имени *Євген*. А форма *Євгеній* (с производной от неё формой отчества *Євгенійович*) хотя и нормативна для украинского языка, но в общем-то отражает русскую форму *Евгений*. Во-вторых, позволительно всё-таки продемонстрировать для сугубо русскоязычного читателя то, как *несколько иначе* звучала бы в украинском прочтении предложенная А. В. Суперанской формула: *Бэлан Алэксэй Эвэньэвыч*. Так что отсюда – и в определённый раздел анекдотов на русскоязычных интернет-порталах.

Не станем после этого пространно рассуждать о рождённом в Карачаево-Черкесии мальчике по имени *Витя Белан*, из которого вырос российский певец с брэндовым именем *Дима Билан* (а форма-то фамилии здесь украинская по происхождению – *Білан!*). Представим только себе украиноязычный анонс: *В Одесі гастролює Дима Білан* (будет читаться приблизительно *Дыма Былан*). Тут только на неустойке за порчу брэнда разбогатеть можно. Ведь именно из-за благозвучия формы *Билан* был избран этот сценический псевдоним. А кто пойдёт на *Былана*? Да и на *Белана*, неровен час, не пойдут. И вообще можно встречный украинский иск вчинить Диме Билану за эксплуатацию украинского благозвучия целью получения доходов.

Не станем долго рассуждать также о том, какие коллизии разыгрывались бы при выборе написания фамилий при регистрации смешанных браков: вот он *русский человек* по фамилии *Белан*, а его будущая супруга – украинский человек с фамилией... положим, *Білаш*. И будет вдруг украинский человек настаивать на форме *Билан* (а то ещё – упаси Боже! – на форме с «украинской» буквой *Білан*). А русский человек не пойдёт на возможный компромисс, не станет соглашаться на альтернативную для себя фамилию *Белаш* или *Билаш* (в украинском прочтении звучит *несколько иначе* как *Былаш*), а то ещё – упаси

Господи! – *Білаш*. А там (если брачующиеся сумеют договориться о фамилии), и дети вырастут со своими антропонимическими капризами. *Sapienti sat*.

Позволительно развернуть проблему в другом ракурсе. Будучи ономастом с громадным стажем научной работы, не может А. В. Суперанская не помнить, что в советские времена паспорта граждан СССР тоже были двуязычны. Но что-то не припомнится, чтобы тогда ономасты давали родной советской власти подобные советы. Не станем уж поминать о том, как всем нациям СССР были вменены в своё время обязательные фамилии и отчества по русской модели. Что, не было подобного? И что, не нарушало это национальную идентичность самобытных народов СССР?

А раз на то пошло: слабо было бы предложить американцам восстановить историческую справедливость и, например, записать в американских документах имя известного американского лингвиста кириллицей *Наум Хомский*? А то пишут *Noam Chomsky*, и не понять: то ли он *Наум* то ли *Ноам*, то ли он *Хомский* то ли *Чомский*. Ба! – украинцы успели и здесь науукраинизировать! Фамилия-то *Хомский* ведётся от украинского антропонима *Хома*: вспомнить хотя бы неустрашимого философа Хому Брута из гоголевского «Вия», к которому (к Хоме Бруту то есть) шутники из Интернета и возводят генеалогию американского учёного (на самом деле истина рядом: отцом его был уроженец Украины, учёный и еврей по национальности Зеев Владимир Вильям Хомский). А может, восстановить «правильный» русский архетип *Фома* (получается *Фомский*, что ли?). Но тут, того и гляди, вызовешь справедливые возражения евреев: имя происходит от др.-евр. *ta'ōm* 'близнец'. *Томский* писать, что ли? Но тут европейцы опомнятся и скажут: *Thomsky*! (Не при поляках будь сказано – они потребуют *Tomski*!). Да ещё вдобавок украинцы (в смысле этнические?) вмешаются да и потребуют писать всё равно как – *Хомський*, *Чомський*, *Фомський*, *Томський* – лишь бы с мягким знаком. Сам Вий ногу сломит на этом пути!

Разумеется, за дельные и конструктивные советы украинцы были бы благодарны российским учёным. Но чего дельного ждать от таких учёных, которые ничтоже сумняшеся пишут: «Украинский и русский языки особенно близки, потому что размежевались в XV-XVI. <...> За истёкшее время украинский язык обрёл свою систему: выработал свою фонологию, морфологию, словообразовательные модели, сохранив чрезвычайную близость к языку русскому». Чего уж там лукавить: надо было так прямо и написать, что отпочковался украинский язык от русского. А то неувязочка выходит: языки размежевались (то есть – вроде как разделились на два?), но украинский при этом оказался нулевым фантомом: ни тебе системы, ни тебе фонологии, ни тебе морфологии со словообразованием. Как же всё в нём выработалось? Где что

взялось? Ясное дело, из русского языка. Вот и пишет А. В. Суперанская дальше: «Ряд языковых явлений, которые в русском языке считаются диалектными и с которыми борются учителя русской словесности, для украинского являются литературной нормой». Это к чему сказано? А к тому: взяли, дескать, украинцы непотребный русский диалектный сор и использовали его. Иначе в контексте публикаций это и не читается.

Вообще-то, с одной стороны, вроде как бы и благодарности заслуживает А. В. Суперанская за то, что признаёт она украинский язык и даже радеет о нём. Вот и призыв выделяется у неё жирным шрифтом: **«Берегите украинский язык!»** Но тут же эта капля бальзама на украинскую душу портится корчажкой русско-имперского застоялого дёгтя: «Как языку молодому, не имеющему столь длительной литературной традиции, как язык русский, ему, в первую очередь, грозит разрушение».

А вот с этого места, как говорится, поподробнее. Общеизвестно, что первым литературным языком Руси становится древнерусский извод старославянского языка, в котором ярко просвечивается восточнославянская народноразговорная стихия. На этом языке пишется киевское летописание («Повесть временных лет» Нестора-летописца, составленная в начале XII в. на основании предыдущих не сохранившихся погодных записей), «Русская правда» великого князя Киевского Ярослава Мудрого (умер в 1054 г.) и её дальнейшие редакции, «Слово о полку Игореве» (вторая половина XII в.), «Поучение Владимира Мономаха» (внук Ярослава Мудрого великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах умер в 1125 г.), «Слово о Законе и Благодати», написанное митрополитом Киевским Иларионом между 1037 и 1050 гг., и множество других оригинальных и переводных памятников древнерусской письменности. Можно ли после этого отказать Украине в её праве на это культурное наследие, созданное на её же извечной территории и на её же историческом языке?

Теперь обратимся к такому понятию, как *современный* в определении литературного языка. Хронологические рамки *современного русского литературного языка* определяются в любом учебнике русского языка для студентов-филологов: это рамки «от Пушкина до наших дней», поскольку именно А. С. Пушкин (1799-1837) является основоположником этого языка (по сути – новаторским реформатором предшествующих форм русского литературного языка, который и вывел этот язык на уровень общенародной и общенациональной значимости). А каковы же хронологические рамки современного украинского литературного языка? От Т. Г. Шевченко (1814-1861) до наших дней! Именно его творческий гений реформировал предыдущее украинское литературно-языковое наследие и придал украинскому

языку общенациональную весомость. Так что *современные* русский и украинский *литературные* языки и в этом являются ровесниками.

Принципиальное различие заключается, как опять-таки общеизвестно, лишь в отношениях обоих языков к народной основе. Сформированный в демократически ориентированной дворянско-аристократической среде, представители которой чаще говорили лучше по-французски, нежели по-русски, русский литературный язык оказывается настолько прочно связанным с книжным старославянским языком, настолько пропитанным его духом, что сами же российские учёные те же двести лет ведут неумолчную полемику: то ли русский литературный язык вырос прямым из старославянского, то ли всё же имеет ещё и народно-диалектную основу. Не зря ведь российскими (советскими ещё) языковедами предложен компромисс, предполагающий диглоссию в русскоговорящей среде: в сферах с функциональным преобладанием книжных стилей используется один язык – кодифицированный русский язык (КЛЯ), а в сферах с преобладанием устного общения – разговорная речь (РР). При этом оказывается, что в КЛЯ преобладает старославянская основа, а в РР – народная.

Подобной дилеммы не знает современный украинский литературный язык: его база по прямой линии восходит к живому народному языку Руси. Доказательств тому множество. Например, употреблялись тогда в Киеве и окрест во всех пределах формы местоимений *тобѣ, собѣ* – до сих пор в украинском языке звучит и пишется *тобі, собі* (равно как и в русских диалектах звучит *тобе, себе*). А вот формы русского литературного языка *тебе, себе* пришли из старославянских форм *тебѣ, себѣ*. Звучало на Руси в живой речи *чоловѣкъ, жона, нѣчого* и т. д. – до сих пор по-украински остаётся *чоловік, жона, нічого, чоботи, пишно* и пр. А формы образца *человек, жена, ничего, пишно* (ср. ещё русские фамилии вроде *Чеботарёв*) являются в русском литературном языке наследием иного характера.

Или вот ещё пример: дочь Ярослава Мудрого, будучи королевой Франции, неединожды подписывала французские государственные документы, и её автографы *Ana regina* стоят рядом с «крестами» неграмотных королевских чиновников. Но сохранилась одна её подпись и кириллическая – *Ана рѣина*. Куда ж делось обозначение взрывного звука, передававшегося буквой *g* в латиноязычной подписи королевы? А не было, судя по всему, такого звука в родной речи Анны Ярославны, потому что звучал тогда в Киеве такой же примерно щелевой *z*, какой и сегодня звучит в украинской речи или в южновеликорусских диалектах (некоторые учёные небезосновательно считают этот звук иранским субстратом). С помощью латинской графики его, конечно, можно передать через букву *h* (кстати, чехи и словаки, имеющие похожий звук

в своих языках, так и передают его на письме сегодня). Но как же могла Анна Ярославна исказить королевское звание написанием *ръгина*, если читалось бы это как *rehina*? Лучше уж без буквы совсем – вроде как сокращение получается.

Это много позже придумали книжники особый графический приём и стали писать, например, имя литовского князя *Олькгердь* (= *Olgerd*), чтобы могло имя князя правильно озвучиваться *русским* языком – *Самъ Олькгердь Божію милостью Великий Князь Литовскій, Рускій, Жомоитскій и иныхъ ...* (начало грамоты, подписанной Ольгердом в Гродно 25 августа 1337 г.). Или вот ещё пример из Второго (Волинского) статута Великого княжества Литовского 1566 г.: *мы Жыкгимонтъ Августъ, Божью милостью Король Польскій Великий Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Инъфлянцскій и иныхъ панствъ дъдичь...* А ещё позже придумали книжники, писавшие *русским* языком, особую букву, к которой восходит современная украинская буква *г*. В словаре Памвы Берынды (о нём придётся сказать чуть ниже) она, например, уже есть. Подобным примерам, системно и массово демонстрирующим живые древнерусские корни современного украинского литературного языка, несть, как говорится, числа.

Теперь о Памве Берынде. А. В. Суперанская утверждает: «писавший в XVII веке монах Киево-Печерской лавры Памва Берында ещё считал свой язык русским (*росским*), а не украинским». Вдумаемся: *ещё считал!* Да с таким передёргиванием фактов можно что угодно доказать! По-видимому, А. В. Суперанская искренне убеждена, что русский язык так и родился с этим названием – *русский язык*. А кажется ей и многим это потому, что язык Руси называется сегодня учёными-филологами *древнерусский*. Стоит только часть *древне-* отнять, как с лёгкостью необыкновенной и получим *русский*. И этим ум филологически необразованного читателя вводится в глубочайшее заблуждение. Известно ведь, что термин *древнерусский язык* – это термин новейшей истории, он сугубо научный. По отношению к Руси это такой же фантом, как и названия *Киевская Русь*, *Московская Русь*, *Украина-Русь* – этих и множества подобных идеологически заостренных названий сама древняя Русь на самом деле не знала, они появились в XIX и XX веках. Но это особый разговор.

А что ломиться в открытую дверь? Посмотрим-ка лучше «Повесть временных лет», в самой начальной части которой летописец сообщает (передаём в немного упрощённой записи и с нашим выделением): *По мнозѣхъ же времянѣхъ стѣли суть Словѣни по Дунаевѣ, гдѣ есть ныне Оугорьска земля Болгарьска. И от тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ стѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше стѣдоша на рѣцѣ имянемъ Маравѣ и прозвашася Моравѣ, а друзии Чеси нарекошася, а се ти же*

Словѣни Хрватѣ Бѣлии, и Серебѣ, и Хорутанѣ. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунаискія и сѣдшемъ в них и насилѣщемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а от тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове; друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такожѣ и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру нарекошася Поляне, а друзии Древляне зане сѣдоша в лѣсѣхъ, а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи. Инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане рѣчьки ради яже втечетъ въ Двину имянемъ Потола, от сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря и прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и ... по Сулѣ и нарекоша Сѣверъ. И тако разидеся Словѣньскій языкъ – тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

В этой панораме названных летописцем ранних славянских этнонимов *Русью* ещё не пахнет. К этому остаётся только добавить небольшой штрих: когда солунским братьям Кириллу и Мефодию была поручена Моравская миссия, то это мотивировалось так: *селунянина еста да селуняне вси чисто словенскы бесѣдуютъ* (вы оба солуняне, а все солуняне чисто говорят по-славянски). Вот оно и есть изначальное именование этноса и его языка – *славяне* и *славянский*. А этноним *русские*, название современной страны *Россия* и название современного языка русского народа *русский* – это всё, как хорошо известно лингвистам и историкам, опять-таки довольно поздние номинации.

В частности, в XVI-XVII слово *русский* (оно же *русский*) по отношению к языку использовалось иначе: в среде киевских книжников так назывался тот литературный славянский язык, которым официально пользовались в Велико-Литовском княжестве от Балтики до Киева и Чернигова и до Валахии. Вот и в Слуцком списке 1621 г. Статута Великого княжества Литовского сохранились стихи польского шляхтича Яна Казимира Пашкевича с такими строками: *Полска квітнет лацизною, / Литва квітнет русчизною* (Польша процветает латинским языком, Литва – русским). Явно ведь не Москву имел в виду шляхтич (но и не путать ту Литву с современной Литвой!). А ещё куда как раньше Волынский Статут Великого княжества Литовского (1566 г.) прямо так и предписывает: *А писаръ земскій маеть по Руску литерами и словы Рускими вси листы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы, и такъ маеть писаръ присегати*». Для русскоязычных монолингвов переведём: «А писарь земский обязан по-русски литерами и буквами русскими все письма и иски писать, а не иным языком и буквами, и так (же) обязан писарь приносить присягу». Этот пункт, кстати, повторялся в редакциях статута дважды. Не для Москвы же писался статут! И лишь в 1696 г. установлением Варшавского Сейма для всей территории Речи Посполитой (т. е. вместе с Великим

княжеством Литовским) предписывается: *Pisarz powinien po Polsku, a nie po Rusku pisać* (писарь должен по-польски, а не по-русски писать – как тут опять не вспомнить шляхтича Пашкевича, писавшего за 75 лет перед этим по-русски!).

Между прочим заметим, что и властители Великого Литовского княжества тоже считают себя правителями *русских* земель (см. образцы титулований выше). Надо же! Именно в это время Иван Грозный именуется *царь и Великий князь Иоанн Васильевич всея Руси*. Однако переметнувшийся от царских милостей в ту же Литву князь Андрей Курбский обращается в письме к царю так: *Эпистола ... князя Андрея Курбского, писана к царю и Великому князю Московскому* (переписка охватывает годы с 1563 до 1579). Вон как унижает Курбский самоправно новоявленного и первого (с 1547 г.) российского царя, не признав за ним права на Русь! А мог бы Курбский отказать в таком праве, если бы само княжество Московское именовалось Русью или Россией? Или если бы Русь была в сфере реальной власти царя?

В то же самое время, в 1586 г., во Франции издаётся так называемый *Парижский словарь московитов* (Dictionnaire Muscovite), составленный ещё ранее в Холмогорах капитаном Жаном Соважем из Дьеппа вместе с прибывшими с ним французскими купцами. Это значит, что не назывались тогда жители Великого Московского княжества и самой Москвы *русскими*, потому что находилась Русь вовсе не в пределах этого княжества. А тут ещё украинцы подыграли французскому капитанишке и примерно с тех же пор навсегда запечатлели на скрижалях истории своих северных братьев под названием *москали*. А как же их иначе назвать *там*, если Русь и земля русская *здесь*? Там Москва, там московиты, москали, москвитяне.

Это потом, особенно после произвола московской администрации, поправшей договорённости времён Богдана Хмельницкого, это после Полтавы и связанной с ней кровавой резни в Батурине при Петре I, это после ликвидации Запорожской Сечи и введения в Малороссии крепостного права при Екатерине II, это после Валуевского циркуляра 1863 г. и Эмского указа 1876 г. при Александре II о запрете всего украинского (нет – *малоросского!* Слова *Украина* только Пушкин не боялся, Рылеев не боялся: жил в этом слове неистребимо вольнолюбивый дух) – это потом название *москаль* приобрело столь негативную окраску в украинских устах.

Так что монах и директор типографии Киево-Печерской Лавры Павмо Берында (кстати, *Павмо*, а не *Памва*, как пишет его имя отстаивающая свой русский антропонимический пуризм А. В. Суперанская), называя свой изданный в 1627 г. словарь «*Лексіконъ славеноросскій, и именъ тълкованіе*», имеет в виду старославянский язык в его *русьском* проявлении, но не тот

русский язык, что думает А. В. Суперанская. И почему бы не вспомнить кстати ещё: в 1596 г. украинским учёным Лаврентием Зизанием был напечатан словарь «*Лексис. Сиртьчь реченія вкратцъ събранны и из словенского языка на простый рускій діалектъ истолкованы*», где под термином *словенский* разумеется тот же славеноросский язык Памвы Берынды, который мы сегодня называем *старославянский* (или пусть точнее – *церковнославянский*), а термином *простый рускій діалектъ* называется у Зизания язык, который сегодня известен как *украинский* (термином *проста мова*, кстати, назывался тогда официальный язык Велико-Литовского княжества, потому и белорусы имеют полное право на этот же язык). Так что российские публикации предлагают читателю явную подтасовку фактов.

Вернёмся, впрочем, к антропонимам и приведём несколько серий русско-украинских параллелей, несколько даже дополнив примеры А. В. Суперанской. Оговорим лишь прежде, что все эти имена по происхождению, как известно, не славянские, а заимствованные в христианский именник из греческого, еврейского, латинского и др. языков. На Русь они пришли будучи записанными, в основном, в церковные святцы на старославянском языке.

Серия первая: *Елена – Олена, Ефрем – Охрім, Евстафій – Остап, Емельян – Омельян, Евсей – Овсей* и т. д. Студенты белорусской, русской или украинской филологии уже на первом курсе пояснят, что на месте начального южнославянского звуко сочетания *jo* в восточнославянских языках обнаруживается начальный звук *o*: например, русск. и укр. *озеро* – сербск. *језеро*, русск. *осень* (укр. *осінь*) – сербск. *јесен*, русск. и укр. *один* – сербск. *један*. Поэтому органическими для восточнославянской фонетики являются в данной серии антропонимы как раз с начальным *o*, характерным для речи Руси. А вот в русском литературном языке такие антропонимы с начальным *e* укрепились под влиянием книжного старославянского языка.

Подобное же заметим в связи с серией *Александр – Олександр, Алексей – Олексій, Афанасий – Опанас, Аникий – Оникій* и под.: известно, что славянские языки в целом не имеют исконных слов с начальным звуком *a*. А когда в древности к славянам попадало подобное слово из другого языка – оно быстренько обкатывалось в живой речи на славянский манер и получало начальный звук *o* (ср. ещё в летописании *Орменія* вместо *Арменія*, *Ондрей* вместо *Андрей* и пр. и пр.).

Вот оно и вышло, что загнала А. В. Суперанская себя же в логическую ловушку. Если формы *Олена, Охрім, Олександр, Олексій* и им подобные – украинские, то это значит, что подлинная украинизация антропонимов началась ещё с X века! Так звучали эти имена в Киеве (и в Господине Великом Новгороде, кстати, тоже) при князе Владимире, при Ярославе Мудром, а то ещё

и при княгине Ольге! Позже и в Москве звучало также (а XV-XVII вв. говорилось, кстати, и *на Москве!*).

Или взять ещё антропонимическую пару *Владимир – Володимир*, в которой украинская форма восходит к древнейшему общевосточнославянскому полногласию, тогда как неполногласная форма *Владимир* (эти формы, напомним, – яркий признак южнославянских языков, представителем которых и является старославянский) подарена русскому литературному языку тем же старославянским. А припомним-ка начало «Поучения Владимира Мономаха», сохранившегося в Лаврентьевской летописи под 1096 г: *Азь худыи дѣдомъ своимъ Ярославомъ блг(агословен)нымъ славнымъ наре(че)нѣмъ въ кр(е)щ(е)нїи Василии, Русьскимъ именемъ Володимиръ* (выделено нами. – Н. З.).

Кстати, внимательный оппонент тут же должен был бы возликовать, уличив нас в противоречии: вот ведь употребил князь выражение *русским именем!* Имя – факт языка, следовательно и *язык русский!* Не факт. Это примерно как *русская земля, русские города* (мать которым Киев), *русские воины, русское имя* – не язык определяется, а принадлежность к Руси, отношение к Руси. Ведь князь проводит противопоставление не с греческим языком (имя *Василий* греческого происхождения), а свое *русское* имя с *крещальным*. Прежде всего о двух традициях речь идёт – об остатках дохристианской и новой христианской.

Ну и зыбко же всё оказывается с антропонимической рационализацией! Не зря, наверное, А. В. Суперанская обошла вниманием подобные примеры. Ведь тогда пришлось бы предложить, чтобы исторически нерусское (хотя и близкородственное русскому) имя *Владимир* переписали в исконном русском виде – *Володимир*. Или же признать, что украинское имя *Володимир*, с помощью которого в Украине украинизируют русских, принадлежит украинскому князю Владимиру Крестителю. Какой ужас!

Вообще, не всякому русскому человеку с нерусским по происхождению именем *Владимир Владимирович* понравится, чтобы его стали писать в российских документах *Володимир Володимирович*, а произносить по телевизору (доведись такое) *Валадимир Валадимиравич*. Вдобавок украинцы хоть и пишут почти одинаковыми с русскими буквами, но произносят-то иначе – почти как *Володымыр!* А то вспомим ещё о топонимах. Вон украинцы (какой ужас!) как поименовали город *Володимир* на Волыни (впервые летопись упоминает его под 988 г.), так до сих пор и именуется город – *Володимир-Волинський*. Зато одна из жемчужин Золотого Кольца России красуется под нерусским названием *Владимир*. Тоже как бы непорядок: ведь заложенная в 1108 в междуречье Клязьмы и Лыбеди князем Владимиром Мономахом крепость именуется изначально всё же *по-русьски – Володимиръ*, т. е. *город*

Володимира. (Будем всё же справедливы: украинский город *Новоград-Волынский* именуется со старославянской формой *град*, а русский *Новгород* с исконной полногласной формой – переплелась наша общая языковая история, и это истина!)

Кстати опять: а что бы в России хотя бы в школьные учебники по истории не вернуть русское написание имени князя – *Володимир*? Это же его самоидентификация, он сам так считал – не нынешние украинцы украинизировали! А то ведь население огромной страны России столетиями воспитывается в уверенности, что русское имя князя – *Владимир* (не говоря уже о своих *Владимирах Владимировичах* или *Алексеях Евгеньевичах*, которые не сомневаются в том, что их имена исконно русские).

На этом приостановимся и спросим: зачем некоторым российским учёным замалчивать факты? Зачем подтасовывать их? Зачем не замечать очевидного? А иначе никак не свяжется столь сладкозвучная для русско-имперского уха попевка о детской молодости украинского языка, замахнувшегося на украинизацию русских антропонимов.

Обратимся наконец к ещё одному из центральных постулатов А. В. Суперанской: об опасности близкого родства русского и украинского языков. Читаем самое начало публикаций: «В мире много стран, жители которых двуязычны. Например, в Швеции и Финляндии двуязычны почти все. Помимо родного языка, они владеют английским, что необходимо для трудоустройства. Но свои языки они берегут. В Хельсинки есть большой институт по изучению «домашних» языков, т.е. финского, шведского, лапландского. В Финляндии живёт миллион шведов, и в местах их обитания все надписи даются на двух языках: финском и шведском. Это отражено и на наших географических картах. Например, город и порт *Турку* имеет параллельную шведскую форму *Обо* (на старых картах – *Або*).

Но близкородственное двуязычие, например, немецко-голландское, избегается, потому что значение одних и тех же слов в языках, восходящих к одному «корню», постепенно меняется. В результате получаются различного рода недоразумения. Так, глагол *bellen* по-голландски значит «звонить», а по-немецки – «лаять». Существует масса анекдотов о том, что случилось с немцем в Голландии, а с голландцем – в Германии. Например, один голландец, не попавший к немцам в гости, утверждал, что он долго *звонил*, а немцы ответили, что они собакам не отворяют.

Близкое родство славянских языков требует тщательного отношения к каждому из них. Даже такие близкородственные языки, как сербский и хорватский, имеют ряд отличий, на что обращает внимание каждый серб или

хорват, избегая хорватско-сербского двуязычия: каждый говорит на своём языке».

Что ни положение – то наповал! Тут тебе бедных голландцев походя и ни за что ни про что пропечатали чуть ли не собаками. Впрочем, как это – ни за что ни про что? А за их язык за голландский! Тут тебе двуязычную идиллию в Швеции и Финляндии продемонстрировали. А что Россия? Не имеет своих «домашних» языков? Остались в ней только гордые внуки славян без финнов, калмыков, тунгусов, на благодарную память которых так рассчитывал А. С. Пушкин? Уже изжила матушка своё отечественное многоязычие? Или она тоже его избегает? Или же в ней, как сказал ещё Т. Г. Шевченко: «від молдаванина до фіна на всіх язиках все мовчить, бо благоденствує»?

Бог с ним, на другое обратим внимание. Вот как понимать констатацию, что немецко-голландское двуязычие избегается? По ошибке ли, по недоразумению ли, преднамеренно ли – не берёмся об этом судить, но А. В. Суперанская упускает важнейшее различие: голландский и немецкий языки функционируют в пределах разных стран, сербский и хорватский тоже используются в разных странах, добавим, что румынский и молдавский, болгарский и македонский, азербайджанский и турецкий – то же самое. Список не закрыт этим перечнем (выше упоминались, например, чехи и словаки). Но при всех прочих привносимых обстоятельствах в этом ряду представлены языки, разделённые государственными границами и разнесенные функционально. Напротив: украинский и русский в Украине функционируют в одной стране, охватывают массы людей в целых регионах и городах, существуют параллельно в сознании каждого, кто их использует – будь то украинец, русский, цыган, молдаванин, гагауз, венгр и т. д. При том, не станем забывать, русский язык является ещё и государственным языком Российской Федерации – мощной и дружественной по отношению к Украине и украинцам страны. Судя по всему, российские ономасты в данном случае проявляют особую, особо отличную, дружественность по отношению к украинскому языку и Украине. Прелесть что за сюжет!

Всё же без иронии задумаемся в то, какой лингвистический триллер предлагается: не пользуйтесь в Украине близкородственными языками русским и украинским! Дескать, «рядового человека, не прошедшего длительной специальной подготовки, невозможно обучить всем тонкостям украинского и русского правописания, произношения, словоупотребления. В его сознании непременно произойдёт **креолизация**, т.е. смешение обоих языков, и через 10–20 лет не будет ни русского, ни украинского языков, а получится пёстрая смесь восточнославянских наречий». Ну и ну! За тысячу с лишком лет не смешались

(пусть даже за пятсот в лукавых измерениях à la Фоменко), а тут такой печальный прогноз.

Вообще читаешь сочинение А. В. Суперанской и диву даёшься, насколько неистребимо живуч имперский дух. Знают ли А. В. Суперанская и её коллеги, что своими благопожеланиями (простите! – чуть не сказалось другое слово, придуманное одним великим русским сатириком!) и рекомендациями в адрес Украины почти дословно реплицируют Валуевский циркуляр и Эмский указ? Напомним: «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, <...> *наречие их*, употребляемое простонародием, *есть тот же русский язык*, только испорченный влиянием на него Польши; <...> *общерусский язык так же понятен для малороссов как и для великороссиян*, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами и в особенности поляками, так называемый, украинский язык» (это из Валуевского указа); «Воспретить в Империи печатание, на том же наречии (малорусском. – Н. З.) каких бы то ни было оригинальных произведений или переводов, за исключением исторических памятников, но с тем, чтобы и эти последние, если принадлежат к устной народной словесности (каковы песни, сказки, пословицы), издаваемы были без отступления от *общерусской орфографии*»; «можно было бы разрешить к печатанию на малорусском наречии, кроме исторических памятников, и произведения изящной словесности, но с тем, чтобы соблюдалась в них *общерусская орфография*» (это цитаты из Эмского указа; курсив везде наш. – Н. З.).

В согласии этих исторических документов предложения названных российских коллег звучат прямо-таки недостающей для аккорданса квинтой. Вот вам и универсальная графика, вот вам и почти что русский, он же украинский, язык. Есть, впрочем, и отличия (квинта – не унисон!): украинский признаётся языком. Пусть и молодым языком, но всё же старше того возраста, что отписала ему Валуевская метрика. Да и не поляками сочинён, а **размежевался** он с русским. И то шаг вперёд. Но странное ведь дело: как только Украина присоединилась к Москве в XVII в., как тут же оба языка стали ещё стремительнее разбегаться. Так что есть повод задуматься над особенностями не только русской национальной антропониимии, но и над особенностями отношения à la grand-russe к Украине.

А саму Украину пужать не надо. Разумеется, ситуация массового билингвизма, в том числе билингвизма близкородственного, всегда порождает сложные проблемы в обществе и ставит трудные задачи перед языковой политикой страны, перед её юридическими институтами, перед политологией, социологией, социолингвистикой, психолингвистикой, педагогикой, методикой преподавания языков (как родного, так и приобретённого). Украинские

филологи могут такие примеры русско-украинской интерференции показать – куда там креолизированным примерам А. В. Суперанской! Но изначально привычная к многоязычию своей земли и соседних народов, пережившая куда более страшные времена, нежели её сегодняшняя языковая ситуация, Украина способна нормально решать свои культурно-языковые проблемы. Из глубины веков несёт она совершенно иные исторические установки – установки толерантности и добрососедства, завещанные ещё Владимиром Мономахом, внуком Ярослава Мудрого, своим потомкам: *Єгоже умѣючи того не забывайте доброго, а єгоже не умѣючи а тому ся оучите, якоже бо отць мои дома сѣдя, изумѣяше .ѣ. языкъ. В томъ бо чьсть есть отъ инѣхъ земля* (Чему научились, того не забывайте, а чему не научились, тому учитесь: так и отец мой, в отечестве оставаясь, выучил 5 языков. В том же честь есть от других стран). Через столетия почти теми же словами прозвучал призыв к своему народу другого сына той же земли, сохранившей тот же язык: «Учітьсь, читайте, і чужому научайтьсь, й свого не цурайтись...». К этому призыву гениального Т. Г. Шевченко ничего больше добавлять и не станем.